

Валентин Пикуль

Свеча жизни Егорова

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Свеча жизни Егорова

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Свеча жизни Егорова / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«...Недавно, просматривая «Старые годы», я снова перечитал статью о художнике Федоре Калмыке, который в Карлсруэ сделался придворным живописцем баденских герцогов. И захотелось рассказать о другом калмыке – он мог бы стать личным живописцем Папы Римского, а при русском дворе императора Николая I его лишили громкого титула «русского Рафаэля».Окунемся в старину...»

Валентин Пикуль

Свеча жизни Егорова

Историческая миниатюра

Недавно, просматривая “Старые годы”, я снова перечитал статью о художнике Федоре Калмыке, который в Карлсруэ сделался придворным живописцем баденских герцогов. И захотелось рассказать о другом калмыке – он мог бы стать личным живописцем Папы Римского, а при русском дворе императора Николая I его лишили громкого титула “русского Рафаэля”.

Окунемся в старину. Однажды калмыцкая орда, населявшая приволжские степи, вдруг струнулась со своих кочевий в сторону далекой страны Джунгарии. Екатерина II послала за ордой погоню, и в 1776 году казаки нашли в покинутом улусе плачущего мальчика в желтых сапожках. Кто он такой, не выяснили. Сироту отправили в Московский Воспитательный дом, где его крестили, он стал писаться Алексеем Егоровичем Егоровым. Мальчик подрос, а тогда не было дурной привычки спрашивать: кем, миленький, стать хочешь? Детей, воспитанных на казенный счет, строили по ранжиру: ты – в музыканты, тебя – в сапожники, ты ступай в балет, а тебя – в повара... Алеше Егорову выпала доля:

– Сбирайся в Питерсбурх – быть тебе живописцем!

Быть – и никаких разговоров: повинуйся.

Академия художеств любила опекать сирот, становясь для них родимой семьей, но режим был суров; в пять утра (еще тьма-тьмушая на дворе) уже поднимали детишек, прикармливая их скудно: на завтрак – бобы, вместо чая – стакан шалфея с бубликом. В аудиториях – холод собачий, а рабочий день для мальчиков кончался в семь часов вечера гречневой кашей с молитвой, после чего – спать! И так – год за годом... Не это меня удивляет, а другое: на такой незавидной пище Егоров развился в Геркулеса, завивавшего кочергу в “восьмерку”, легко рвавшего пальцами колоду карт. У него не было избранной судьбы – он взял ту, которую ему дали, и случилось чудо: проявился не просто талант, а талантище!

Скуластого подростка иногда спрашивали: “Откуда ты взялся? Что помнишь с детства?”

А в памяти уцелел дым кизяка, пестрые халаты, бег коней да шатры на степном приволье – и все. Зрелость наступила в 1797 году: академия, признав талант Егорова, обеспечила его жалованьем, дала казенную квартиру с дровами и свечками, чтобы мог читать вечерами. Егоров обрел первых учеников. В характеристике его было начертано: “Свойства веселого и шутливого, трудолюбив, опрятности и учтивости мало наблюдает... сложения здорового”. В изображении человеческого тела, играющего мышцами, он стал виртуозом. Анатомию изучил лучше врача. А знание “антиков” было таково, что любую статую рисовал наизусть.

– Рисунок – это наука. Точная, как и алгебра. Но умеете соблюдать античную красоту тела, – внушал он ученикам.

В 1803 году его послали пенсионером в Рим – ради совершенствования. Итальянский язык он освоил поразительно скоро. А появление “русского медведя” (так прозвали Егорова) было необычно. Он пришел в натурный класс, где все лучшие места были уже заняты. Егоров скромно пристроился где-то сбоку, быстро схватив карандашом натуру в самом неудобном для него ракурсе, после чего с ленцою прохаживался между мольбертами, бесцеремонно заглядывая в чужие листы.

– Вам, я вижу, нечего делать, – заметил профессор.

– Я уже закончил... Можете взглянуть, вот!

Профессор был удивлен, но выразил сомнение: русские, по его мнению, неспособны к рисунку, как итальянцы.

– А вот так они могут? – воскликнул Егоров. Схватив уголь, он прямо на стене начал обводить контур человеческой фигуры, ведя линию с большого пальца левой ноги, и, не допустив ни одного промаха в рисунке, закончил его мизинцем правой ноги. – Нет, вы так не можете! – сказал Егоров и удалился...

Один из учеников кинулся к стене с тряпкою, чтобы стереть “мазню русского дикаря”, но профессор удержал его прыть:

– Оставьте! Это – шедевр гения...

Егоров был всецело поглощен изучением Рафаэля.

– Подражать великому мастеру – профанация, – утверждал он. – Но когда долго и пристально созерцаешь его шедевры, помимо воли проникаешься его же манерою...

Знаменитый Винченцо Камуччини, лучший живописец Италии, использовал рисунки Егорова для своих исторических композиций. Гениальный Антонио Казанова принимал “русского медведя” у себя в мастерской; пьедестал, на котором позировала обнаженная красавица Елиза Биаззи, был украшен девизом: “Memento mori”. Казанова лепил, а Егоров рисовал; за работой они беседовали о соблюдении гармонической простоты древних классиков – это был странный разговор для артистов, живших в веке париков и мушек, жеманности модных Психей, подражавших элегическим пастушкам. Казанова, ревностный католик, осуждал Егорова за то, что он не желает припасть к престолу Папы Пия VII:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.